

В. В. ВАЛЬКОВСКАЯ

ЦЕННОСТЬ ПРИРОДЫ

Вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что самой древней и главной заботой человечества является выживание. Выживание ценно само по себе как процесс, целью которого является сохранение жизни – фундаментальнейшей и, повторим, древнейшей из всех общечеловеческих и индивидуальных ценностей.

Именно выживание являлось первейшим и долгое время единственным делом человечества. Человек хотел выжить и соответственно этому желанию воспринимал окружающий мир, деля его на две части: ту, что помогает ему осуществить это желание, и ту, что противостоит ему. Деление было в пользу второй части, и это настораживало древнего человека. Постепенно созревала мысль о злом умысле и противостоянии.

Обусловленная неразвитостью социальных связей неразвитость сознания людей первобытного общества породила мистифицированные формы осознания отношения человека к природе, но именно в этих формах (магия, обряды, табу и пр.) получило свое отражение первоначальное единство природы и человека. Единство: ведь для того чтобы выжить, человеку нужно было «раствориться» в природе, слиться с ней, приспособиться к ней. И действительно, человек, еще не выделившийся окончательно из «царства природной необходимости», полностью признает свою принадлежность и подчиненность этому царству, но выражает ее чисто по-человечески: он обращается к природе в своих заклинаниях, молитвах, как к себе подобному существу – милосердному или жестокому, красивому или безобразному, щедрому или скупому, но неизменно сильнейшему и могущественному. Имеет место антропоморфизм пред-

ставлений человека о природе. Мне кажется, это перенесение чисто человеческих характеристик (добро, зло) на природу позволяет говорить о начале формирования ценностного отношения к природе уже на первобытнообщинном этапе истории человечества. Правда, в ценностной интерпретации древним человеком окружающего мира преобладали отрицательные оценки.

Приспосабливаясь к природе и тем самым осваивая ее, человек стремился «навести в ней порядок» – организовать, структурировать окружающий мир по своему разумению. Наличный уровень производительных сил, конечно, сводил этот порядок к минимуму; не обустроенная человеком часть природы в сравнении с обустроенной – целая бесконечность, в которой царит хаос.

Самим понятием «хаос» древний человек невольно утверждает отсутствие не только красоты, полезности, но и вообще какого-либо порядка в окружающем мире до появления разумных существ. Скорее всего в этом «хаосе» содержится бессознательная установка на изменение, преобразование природы. Ребячливая, на первый взгляд, безобидная «мания величия»: природа еще никак практически не преобразована деятельностью человека, т. е. сравнивать практически не с чем, а человек уже утверждает, что одним только своим присутствием вносит порядок в окружающий мир.

А та часть мира, где человека нет (следовательно, и «порядка» тоже), вызывает исключительно отрицательные эмоции: страх, чувство незащищенности, тревожное ожидание неизвестного. Она воспринимается постольку, поскольку заполнена знакомыми и нужными вещами, предметами и т. д. И сама аксиологическая значимость окружающего мира воспринимается через аксиологическую значимость заполняющих его предметов. Пространство, в котором живет древний человек, аксиологически неравноценно: в нем есть хорошие и плохие места, хорошие и плохие существа. И все эти «хорошо» и «плохо» применительно к древнему человеку и его главной задаче – выживанию.

Показательны в этом плане эвенкийские мифы о сотворении мира, где хорошая половина сотворена добрым духом, а плохая, соответственно, злым. Что видим мы в плохой половине? Там живут дятел и росомаха, там растут сосна и ольха – все, кого нельзя

съесть, и все, что горит с чадом и копотью. Бесполезные, как называют их эвенки, звери, птицы, деревья.

Оценка древним человеком различных мест окружающего мира не только связана с наличием природных благ и присутствием в них людей, но и наполняется постепенно образным, духовным содержанием, связывается с появлением культовых сооружений. Но в любом случае в аксиологических оценках человеком окружающего мира довлеют интересы выживания. Это проявляется в трактовке телесной красоты, в отождествлении бесконечной удаленности с хаосом, в неприятии этого удаленного мира, боязни его. О последнем, пожалуй, лучше всех сказал О. Шпенглер: «Существует таинственная связь между пространством и смертью, которую именно ранние души всегда глубоко чувствовали... Человек – это единственное существо, знающее о смерти»¹.

Вероятно, это интуитивное улавливание человеком связи между пространством, далью, неизвестным и смертью повышало в глазах наших предков ценность стабильного, упорядоченного, обустроенного, знакомого и близкого «своего», из которого, как из зернышка, начала прорасти и развиваться ценность и значимость собственного как экономической основы жизни.

Принятие приоритета ценности выживания было выигрышным и верным для древнего человека: ведь он выжил, выстоял. Первобытное общество успешно развивалось. И рабовладельческое общество, пришедшее на смену ему, вступило в историю, руководствуясь теми же ориентирами: жить и выжить. Однако изменения, которые претерпели производительные силы, производственные и вся система социальных отношений в рамках рабовладельческого строя, не могли не сказаться на содержательном наполнении человеческих ценностей и идеалов.

Античность дала истории второе разделение труда. Правовые и государственные институты, возникшие на пути создания и закрепления мер охраны частной собственности, стали мощным фактором регуляции всех общественных отношений. Появление антагонистического общества не замедлило сказаться на общественных целях

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 237–238.

производства. Отныне обязательным становится удовлетворение потребностей далеко не всех и не на одном уровне. Именно с рабовладения получает свое существование в действительности и находит закрепление в общественном сознании такое явление, как избыточное потребление, имеющее также и свою противоположность, по сей день получающую выражение в различных понятиях: голод, нищета, неграмотность. Поскольку же, как известно, господствующей в каждую историческую эпоху является идеология господствующих классов, постольку установка на расточительную эксплуатацию природы как главного источника богатства явилась центральной в отношении человека к природе на многие столетия со времен рабовладения. «Хотя в философских представлениях древнего греко-римского мира господствовала нравственная концепция природы, в рамках которой человек понимался и как часть природы, и как привилегированное, выделенное из нее существо, тем не менее эта концепция не спасла человечество от экологических проблем. Нравственное отношение человека к природе было ограничено средствами его труда»². Добавлю: ограничено не в том смысле, что наличные средства труда не давали возможности дальнейшему развитию ценностного отношения человека к природе, а в том, что они не делали необходимым это развитие.

Следует особо подчеркнуть, что происшедшее в античный период разделение физического и умственного труда имело огромное значение для дальнейшего развития осознания ценности природы как таковой: произошел разрыв между теоретическими и прикладными знаниями о природе. На уровне обыденного сознания они имеют практическую направленность, но характеризуются дискретностью и разнородностью. Представления же о природе как о целостности, развивающиеся на теоретическом уровне, все более превращаются в совершенно отвлеченную от практической жизни абстракцию³.

По-иному воспринимается античным сознанием и жизнь: она охватывается эмоциональными оценками в сопоставлении не толь-

² Гиринок Ф. И. Экология. Цивилизация. Ноосфера. М., 1987. С. 11.

³ Хотя к этому периоду относятся такие, имеющие практическую направленность труды, как «Землеписание» Гекатея, «О воздухах, водах и местностях» Гиппократата.

ко со своей противоположностью – смертью, но и с различными вариантами ее протекания. В жизнь античного человека входят такие понятия, как удовольствие и страдание, не связанные со смертью и физической болью; жизнь становится еще более ценной потому, что она – возможный путь к счастью («античному» счастью, т. е. близкому, осязаемому). Жизнь во имя этого счастья соблазнительна, чувственна, красива и духовна, ибо служит приобретению и накоплению добродетелей, обладание которыми сулит счастье. А сколь блистателен и возвышен перечень этих добродетелей! Возьмите аристотелевские мужество, щедрость, великолепие, величавость, честолюбие, любезность... Это – добродетели, обладание которыми не омрачается заботами о хлебе насущном, возложенными на плечи другой части жителей греческого полиса, для которых обладание добродетелями и счастьем вместе с ними, вероятно, предполагалось, но не рассматривалось. Ведь раб – только лишь наличное бытие рабочей силы. Развитие же личностных структур – дело праздных, и только праздных, античного мира.

Античные жизнь и счастье тесно переплетаются с красотой и любовью. Очень трудно предположить, какую роль играла любовь в первобытном обществе и играла ли она ее вообще. Зато античный человек осознал и высоко оценил значимость этого чувства и этого способа социальной связи: недаром древние греки выделяли столько разновидностей любви. Даже поклонение богине любви Афродите носило разные оттенки: храмы воздвигались и Афродите-Урании, и ее другой ипостаси – Пандемос.

Особым содержанием наполняется и понятие красоты. Она по-прежнему служит жизни, но так же, как в «жизнь» античного человека вошли удовольствие и счастье, в «красоту» вошли гармония и возвышенность – то, что делает созерцание красоты приятным, приносящим эстетическое удовольствие. Правда, это по-прежнему красота телесная, конкретная (усмотрение красоты абстрактной требует особого уровня развития духовности – в первоначальном, религиозном смысле этого слова), но красота, заметим, человеческая, некоторые каноны которой вводятся сознательно для того, чтобы подчеркнуть отличие человека от тварей природных (тело, например, должно быть гладким, как статуя, безволосым).

На фоне такого мажорного восприятия жизни, красоты, природы, любви неудивительным выглядит спокойное, без треволнений духа отношение жителей античного мира к смерти. Мы знаем, что древние греки сжигали тела погибших и умерших, не имея культовых сооружений и особых исполнителей для этой процедуры. Квинтэссенцией оптимизма (кстати, здорового) по поводу грядущего конца по сей день звучат слова Эпикура о том, что смерть не имеет к человеку никакого отношения: пока он есть – смерти нет, а когда она есть – его уже нет. (Правда, в рассматриваемую историческую эпоху в Египте существовал развитый культ мертвых, но мы сошлемся на О. Шпенглера, полагавшего, что его возникновение было связано с отличной от древних греков ценностной интерпретацией времени, а не жизни и счастья.)

Характерные для античности воззрения на природу, человека, его жизнь и смерть были усвоены, переработаны и значительно трансформированы средневековым сознанием. Получившая при феодализме свое широкое распространение теологизация научного знания применительно к рассматриваемым проблемам выразилась прежде всего в том, что в теологической концепции природы последняя была лишена своего онтологического статуса, поскольку признавалась всецело творением Бога. Этим утверждалось как бы первородное равенство человека и природы, которая прежде являлась для него объектом поклонения и умилоствления, вызывавшим благоговейное опасение, а отныне становилась лишь объектом воздействия, пассивным источником удовлетворения нужд, поскольку теологически понимаемая духовность человека ставила его выше бездушных предметов и тварей природных.

Но отношение средневекового человека к природе как к объекту просматривается, пожалуй, только ретроспективно. Сам средневековый человек на уровне здравого смысла вряд ли противопоставлял себя природе. Ведь он по-прежнему погружен в нее, слитен с ней, он – это часть природы. И слагаются легенды о вурдалаках, русалках, леших, ведьмах. А природа – это часть человека. И он измеряет ее своим телом: саженями, локтями, пядями, футами. Его природа – это то «рядышком», которое исчерпывается этими телесными мерками. Остальное существует, но неинтересно. Таково по-

ложение дел на уровне обыденного сознания. Теоретическое же, разумеется, идет намного дальше. Несмотря на то, что исследование природы по-прежнему носит фрагментарный характер, не отличается целостностью, средневековое сознание сделало огромный шаг вперед по пути ценностной интерпретации мира и человека, впервые утвердив идею бесконечности как онтологическую характеристику бытия. Это было достигнуто противопоставлением времени и вечности как бесконечной длительности. Сакрализация понятия «вечность» лежит, на мой взгляд, в основе ценностной трактовки жизни, красоты, смерти, любви средневековым сознанием на всех его уровнях. Пространственная покойность существования средневекового человека компенсируется высоким духовным напряжением, острым и мобильным переживанием своего положения между конечным «здесь» и вечным «там». Жизнь как ценность интересна уже не тем, что она – каждодневное выживание или каждодневное проживание. Нет, она более важна своими результатами, которые можно подвести в конце⁴.

Высоким нравственным содержанием наполняется понятие смерти. Сам процесс умирания нравственно и психологически-комфортно обставлен, например, в ортодоксальном христианстве. Смерть – это порог, отделяющий человека от манящей Вечности. Боязнь бесконечности и равнодушное отношение к смерти античного человека сменяются сакрально-экстатическим восприятием конца жизни. Если древний человек через смерть оказывается лицом к лицу, один на один с Ничто, то теологизированное сознание видит в смерти лишь дверь, врата в мир иной, проводником на пути в который выступает церковь и в котором его ждут. Иными словами, человек не один, и это облегчает душу, и это ценно.

Что касается красоты, то из средневековой ее трактовки практически полностью устраняется идея телесности – из нее исчезает натура, и природа в том числе.

⁴ Важность жизни как биологического процесса не являлась определяющей, но никогда и не отрицалась теологизированным сознанием. Напротив, поддержание этой биологической жизни вменялось в нравственный долг каждому человеку. Недаром в большинстве религиозных учений мы видим резко негативное отношение к самоубийцам.

Вообще-то о примате духовной красоты люди задумывались всегда (Платон, к примеру, считал природную, телесную красоту лишь слабым отражением духовной), но средневековое теоретическое сознание и искусство выносят натуру за скобки. Красота природы не отрицается, но лишается собственной ценности, поскольку природа, как у Франциска Ассизского, есть лишь символ иной, высшей, подлинной красоты божественного. Гармония и счастье, столь волновавшие античные умы и души, трансформируются в целесообразность и совершенство, также понимаемые теологически. Совершенство Средневековья – бесплотность, бестелесность, духоборчество. Ценность жизни определяется служением Богу, будущему, Вечному. Вспомним, как почти до аналогии схожи светский и духовный образы жизни средневекового человека. Их целью является возвышенное служение Прекрасной Даме или Богу, их идеал – очищение аскезой или смертью.

Пренебрежение материальной основой жизни, культивируемое теологическим сознанием эпохи Средневековья, связано не только с идеологическими установками, но и в значительной степени с тем, что этой основы было много. Именно из последнего обстоятельства выросла такая особенность средневекового и античного понимания природы, как иллюзия неисчерпаемости природных богатств. Опять же лишь ретроспективно мы можем здесь назвать иллюзией идею о неисчерпаемости земной природы, а в рассматриваемые периоды развития общества она была достаточно верной, поскольку основывалась на объективном отражении интенсивности уровня взаимодействия общества и природы. Но уже этого уровня человечеству хватило для того, чтобы постепенно существенно изменять облик планеты. В качестве примера можно привести относящееся по времени к рассматриваемому периоду превращение Средиземноморья из климатически благодатного района в засушливый, обезлесение Западной Европы.

Мы не останавливаемся особо на эпохе Возрождения, с которой принято связывать реабилитацию телесной красоты человека. Мне представляется, что эта реабилитация была вызвана не столько ценностными причинами в их философском понимании, сколько потребностями развития техники изобразительного искусства.

Здесь же хочу подчеркнуть, что именно через искусство в эпоху Возрождения вносится новый ценностный момент в понятие счастья: оно связывается с материнством, т. е. по-прежнему векторно устремлено в будущее. Но это уже, в отличие от теологического, будущее земной жизни.

Удивительный скачок в видении человеком значимости природы и своей значимости в природе произошел в науке и практике Нового времени. Удивительный потому, что реальные изменения в науке, технике и природе не были так уж велики, чтобы человек столь сильно и надолго переоценил свои силы и роль в процессе познания и преобразования природы. Здесь снова имела место та заносчивая скоропалительность выводов, что и в древнем мире при измышлении понятия «хаос».

В XVII–XVIII вв. значительные успехи были достигнуты в физических, математических и химических науках. К этому времени была создана система классической механики, уже произошло проникновение математических методов в физику и химию, были разработаны основные положения термодинамики. Задача состояла в том, чтобы реализовать достигнутые знания. Для этого требовалось создание определенных общественных условий. Прежде всего наличие инициативных, практичных, предприимчивых людей и, разумеется, значительные капиталовложения и общественная организация производства. Эти условия были уже подготовлены целым рядом предшествовавших исторических процессов: первоначальным накоплением капитала, пространственным и количественным расширением городов, зачатками общественной организации труда. Отметим также огромное значение великих географических открытий, сделанных на заре становления капитализма, которые в числе прочих условий создали предпосылки развернувшейся в дальнейшем интернационализации производства и духовной жизни человечества, расширили и углубили сферу взаимодействия природы и общества, открыв перед последним новые источники и области применения научных знаний и практических навыков.

Технологический переход к машинному производству привел к непомерному увеличению наметившегося уже ранее разрыва между человеком и условиями его существования. Развитие науки и

техники сделало возможным для человечества производство предметов и продуктов, не существовавших прежде в природе. Впервые в истории промышленная технология освобождается от оков преимущественного воспроизводства продуктов природы, люди постепенно научаются создавать искусственное в промышленных масштабах. Индустриальные методы проникают в сельское хозяйство, начинающееся внедрение химии и биологии в агротехническую науку и практику становится одним из ведущих факторов изменения не только локальных природных компонентов, как прежде, но даже биогеоценозов (экосистем) в целом. Увеличение масштабов и интенсивности человеческой деятельности в природе привело к пространственному росту и интенсификации изменений самой природы.

Описанные процессы и явления нашли свое отражение и интерпретацию в общественном сознании рассматриваемого периода человеческой истории. Так, уже к XVIII в. можно отнести постановку проблем естественного и искусственного, культуры и цивилизации. Разумеется, рассматривались они в совершенно ином ракурсе и других терминах, чем в современном научном знании. Но уже сам факт постановки вопроса о связи природных и общественных начал в жизни человека, под которым ученые, в большей мере интуитивно, просматривали становление противоречий естественного и искусственного во взаимодействии человека и природы, говорят о намечающемся переломе в ценностной трактовке человека и окружающей его природы, их взаимодействии и взаимовлиянии.

Своеобразным осмыслением несоразмерности увеличивающихся темпов роста производства и относительной стабильностью природных процессов явились теории Т. Мальтуса и Дж. Ст. Милля. Правда, осмысление это происходило исключительно на уровне проблемы народонаселения, которая понималась к тому же не столько как общественная, сколько как естественнонаучная проблема. Кроме того, для духа современной Мальтусу Европы, духа напористости и оптимизма, воспринимающего мир как место, где для всех довольно света, тепла и пищи, идеи Мальтуса показались циничными и антигуманными. Однако XX век в той его части, которая говорит языком голой статистики, с ужасающей ясностью

дает основания для возрождения идей английского священника. А на рубеже XVIII–XIX вв. ценность жизни заставила людей задуматься над ее значимостью (пример своеобразной инверсии) и стоимостью, просчитать эту жизнь. На государственном уровне в практику начинают входить переписи населения, на теоретическом – появляется новая тема для размышлений: как примирить огромную значимость выживания всего человечества с ценностью индивидуальной жизни, ценностью, в понятие которой включена уже и свобода.

Вполне закономерной для рассматриваемого периода является также разработка концепции географического детерминизма. Последняя своеобразно интерпретирует имеющее место в действительности воздействие природы на общество, вычленяя факторы природного характера в качестве ведущих и определяющих формирование человечества не только как биологического вида, но и как социальной системы со всеми ее институтами – политическими, экономическими и т. д. В эпоху становления капитализма идеи географического детерминизма определенно имели прогрессивный характер, отрицая божественное предопределение земной жизни. Значимость и ценность самой природы в различных концепциях географического детерминизма также становятся предметом пристального внимания. Природа уже не просто объект потребления или воздействия – по поводу нее проявляются и воля к жизни, и воля к власти.

Однако, несмотря на то, что проблема взаимодействия общества и природы привлекает все более пристальное внимание представителей научного знания, разработка ее аксиологических аспектов еще долгое время оставалась на периферии общественного сознания. Это объясняется тем, что капиталистическое производство здесь имеет своей целью увеличение прибавочной стоимости. Адекватные поставленной цели производственные отношения, являясь стержнем всех других общественных отношений, соответственно придают последним довольно отвлеченные от нравственных и эстетических определений характеристики, которые в рамках названной цели применительно к природопользованию имеют чисто абстрактное значение, поскольку для ее реализации одностороннее

понимание природы как объекта преобразования является необходимым и достаточным. В данном случае человек раннего капитализма подобен герою О'Генри, тому герою, который был не настолько богат, чтобы позволить себе иметь нравственные принципы.

В плане ценностной интерпретации жизни и смерти, любви и красоты Новое время продолжает религиозные традиции и в необходимом переосмыслении последних делает акцент на ее рационализации, приближении к реалиям земной жизни. Понятие счастья как критерия ценности жизни дополняется необходимым условием свободы и мотивом успешности реальных, практических действий по поддержанию протекания жизни. На место служения Богу и Прекрасной Даме приходит гражданственное служение обществу.

Красота начинает сверкать новыми гранями: наряду с ценностью духовной и телесной красоты нарастают значимость и понимание ценности красоты искусственного, которое строится по канонам естественного, но не сводимо к ним. Ярчайшим примером этой новой ипостаси красоты является городская архитектура с ее парковыми ансамблями, требование сочетания естественных и преобразованных ландшафтов.

А любовь... Ее ценность в истории человечества только возрастает. Моральное сознание Нового времени реабилитирует любовь мужчины и женщины, наполняет ее высоким моральным содержанием, которое, по мнению многих авторов, настолько сильнее телесных желаний, что может даже элиминировать их, свести к несущественному. Эта любовь, живущая в «Манон Леско» и «Новой Элоизе», чувственная, волнующая и бесконечно возвышенная, воспринимается как идеал и, следовательно, высшая ценность. В произведениях литераторов и живописцев она неразрывна с природой. Описание либо написание пейзажей позволяет подчеркнуть эмоциональное состояние героев, усиливает глубину восприятия.

Новое направление получают рассуждения о счастье человека. С одной стороны, необходимым его условием становится декартовское *cogito*: жизнь счастлива, если она осмысленна и разумно организована; человек счастлив, если он – просвещенный человек. С другой стороны, исследователи Нового времени первыми в истории обратили пристальное внимание на связь счастья человека

с его естеством и естественной основой существования общества. И благодаря этому для них рельефно обозначилась такая черта исторического процесса, как удаление в ходе его человека от естественной основы собственного существования. Тревожное осознание этого факта толкнуло Руссо страстно требовать возврата назад, к природе. Дополненное многочисленными сомнениями в гносеологических возможностях разума, это ощущение неблагополучности общества в его растущей удаленности от природы понемногу создавало толику здорового пессимизма.

Необходимо подчеркнуть, что выделение связей природы и общества среди многообразия существовавших отношений, частичное рассмотрение природы как ценности (поскольку как ценность она рассматривается все-таки локально и в основном применительно к уровню индивидуального) означало позитивный сдвиг в осмыслении человечеством значимости своей деятельности в природе, знаменуя собой начало становления самосознания цивилизации, осознания ею ценности природы, понимания природы как альтерэго цивилизации. Другими словами, общественная и научная мысль Нового времени подготовила целый ряд идейных предпосылок формирования экологического сознания.

Развитие ценностного наполнения исследуемых понятий в конце XIX–XX вв. проходит под влиянием целого ряда особенностей научно-технического, экономического, политического, социально-культурного характера. Закономерности исторического развития на рубеже XIX–XX вв. наиболее отчетливое свое выражение обнаружили в становлении такого качества исторического процесса, как его всемирность.

Гигантское приращение материальных и духовных возможностей человека в последней четверти XX в. дала научно-техническая революция. Однако это возможности двоякого рода. С одной стороны, процессы НТР создали принципиально новую систему производительных сил общества, расширили сферу деятельности человека в природе, углубили его знания, увеличили бюджет свободного времени, обеспечив всем этим расширение возможностей личности. С другой стороны, они создали тот избыток давления производительных сил на окружающую среду и искусственной сре-

ды на человека, который привел к резкому обострению противоречий взаимодействия общества и природы, поставил человечество перед лицом глобальной экологической проблемы. Существование реальной угрозы экологического кризиса дало импульсы дальнейшему развитию научных изысканий в области проблем взаимодействия природы и человека. Новое звучание они обрели сейчас потому, что от возможностей их решения зависят уже не только пути дальнейшего развития цивилизации, но и само ее существование.

В XX в. произошла глобализация острейших проблем общественного развития. Их системный характер, общепланетарный масштаб действия и проявления наглядно демонстрируют единство судеб всех народов Земли...

Следуя намеченной цели – проследить изменение ценностной трактовки понятий «природа», «человек», «красота» и др., – обратимся к их развитию в XX в.

Угроза экологической катастрофы заставила человеческое внимание вновь обратиться к проблеме ценности жизни как процесса выживания и ценности природы как среды, гарантирующей это выживание. «Жизнь, – пишет американский биолог Дж. Куллини, – это физическая природа, пытающаяся спасти себя от себя самой. Эволюция сознания – удивительный процесс, в котором человек, видимо, превзошел все остальные творения природы. Но он подвергает опасности этот универсальный эксперимент. Расточительно и без нужды сокращая возможности эволюционного процесса производить выбор, человек грешит против естественного закона, компрометируя свою гордость – свой интеллект»⁵. А ведь человеческий интеллект – высшая из известных инстанций окружающего мира, и назначение его – обеспечить выживание и бесконечное совершенствование того многообразного мира, познание которого является для общества «вечным двигателем», на котором зиждется его существование.

История развития человечества в принципе всегда утверждала (а в XX в. это утверждение проявляется с особенной остротой), что высшим императивом деятельности человека в окружающем мире

⁵ Куллини Дж. Леса моря. Жизнь и смерть на континентальном шельфе. Ленинград, 1981. С. 279.

должна являться разумность действий, хотя бы в силу того, что человек – существо разумное. Разумность не только в смысле рациональности – разумность в универсальном человеческом смысле, как деятельность культурного человека, основанная и на культуре разума, и на культуре эмоций. Не случайно в научных исследованиях по поискам оптимальных путей развития природы и человека идеальные прогнозы будущего обращаются к термину «ноосфера» для определения этапа гармонического единства общества и природы.

В. И. Вернадский, первым введший понятие ноосферы в том смысле, в котором оно употребляется в современных научных исследованиях, создал блестящий вариант рассмотрения человеческой истории как естественно-исторического процесса. Если в свое время Маркс остроумно и прозорливо замечал, что люди, по большому счету, не есть собственники земли – они лишь ее коллективные владельцы⁶, то академик Вернадский в своих исследованиях процесса цефализации и геологического времени утверждает, что и разум не есть собственность человека – разум принадлежит планете и космосу, поскольку есть закономерный результат их развития, есть продолжение жизни. Созданием техники человек ничуть не отгораживает себя от природы, напротив, происходит все более тесное и сложное сплетение истории человечества и истории природы.

В дальнейшей разработке понятие «ноосфера» все более предстает как своеобразная естественно-историческая параллель социально-исторического понятия «сфера деятельности человека», которая по содержанию бесконечно стремится приблизиться к последней, но никогда не совпадает с ней. В понятии «ноосфера» фиксируется факт привязанности деятельности человека к естественной основе его существования, к биосфере, в том смысле, что, даже будучи вынесенной за пределы биосферы, деятельность эта будет какой-то стороной воспроизводить свою естественную основу. В этом грандиозный ценностный смысл «ноосферного» видения мира: человек может диктовать законы природе только по тексту,

⁶ См.: Маркс К. Капитал//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 337.

представленному самой природой. Более того, в ходе истории ответственность за развитие природы все более ложится на человека.

Необходимым компонентом ценностного осмысления природы в XX в. становится поиск идеала взаимодействия общества и природы. И если критерий полезности, вокруг которого ранее развивалось это взаимодействие, обнаружил свою недостаточность, даже свой негативный характер по отношению к прогрессу общества и природы, то естественным шагом на пути снятия ограничений бесконечного развития цивилизации должно являться выдвигание такого критерия, который бы увеличил потенции общества по отношению к природе без ущерба для нее и для человеческой природы в частности.

Новым смыслом наполняется и эта человеческая природа. Касаясь периода рабовладения, я говорила о разрыве в понимании значимости развития личностных структур и структур рабочей силы человека. Глубина этого разрыва исторически обусловлена изменением соотношения живого и овеществленного знания в системе материального производства. В настоящее время уже не только техника является воплощением научного знания. Процессы НТР привели к требованию изменения необходимых качеств человека – производителя материальных благ, потребовав от него высокого профессионального мастерства и квалификации, основанных на достаточно высоком уровне образования, культуры и умения использовать теоретические знания в практической деятельности. Вероятно, в дальнейшем общественный прогресс все более будет определяться степенью совпадения спектра развития личностных структур со спектром структур рабочей силы человека.

Человек XX в., динамичный, занятой, практичный, большей частью живущий в городе, начинает сознавать ценность своей природы прямо пропорционально разочарованию в благах цивилизации. Созданием искусственного буфера между собой и природой человек обезопасил себя от негативного влияния изменений в биосфере на собственный организм, но обезопасил лишь на некоторое время. Данные медицины, биологии, психофизиологии в настоящее время свидетельствуют факт наличия отклонений целого ряда человеческих биологических параметров от традиционной нормы. Причем

общая картина этих отклонений настолько противоречива, что на данный момент не представляется возможным, по моему мнению, оценить ее однозначно – либо положительно, либо отрицательно.

К безусловно позитивным явлениям могут быть отнесены такие фиксируемые ныне показатели, как увеличение средней продолжительности жизни, улучшение структуры питания, рост фертильности, акселерация, поскольку они, вместе взятые, отражают тенденцию к улучшению состояния здоровья населения планеты в целом. Но следует иметь в виду, что данные процессы протекают на общем фоне демографического взрыва, ускоренной урбанизации, политической нестабильности, неравномерности социального и экономического развития отдельных стран и народов, а также целого ряда других факторов, которые значительно искажают позитивное содержание приведенных показателей. Так, например, в современных условиях увеличение средней продолжительности жизни, акселерация привели к обострению проблемы занятости населения. Показатель улучшения структуры питания (являющийся, разумеется, средним), разбитый на свои составляющие, дает нам безрадостную картину хронического голодания, с одной стороны, и неоправданных излишеств – с другой (кстати, не менее опасных для здоровья, чем голод). Что касается демографического взрыва, то здесь картина также неоднородна: основной прирост населения приходится преимущественно на страны «третьего мира», в то время как в наиболее развитых странах наблюдается обратная тенденция – снижение рождаемости.

Характеризуя далее изменения биологического характера в природе человека, заметим, что вызваны они не только негативными сторонами протекания научно-технического и социального прогресса, но и односторонним использованием их успехов.

В последнее время медики отмечают изменение общей картины патологий человека, проявляющееся в изменении соотношения инфекционных и неинфекционных патологий. С развитием человеческого общества удельный вес последних в указанном соотношении неуклонно возрастает. Сокращение числа инфекционных заболеваний, идущее параллельно названному выше процессу, обусловлено, в первую очередь, успехами медицины, биологии в их изучении,

создании препаратов по их предотвращению, проведении широких мероприятий санитарно- и социально-гигиенического порядка, которые позволяют даже в условиях урбанизации эффективно бороться с инфекциями.

Неинфекционные патологии, ведущее место среди которых принадлежит в настоящее время заболеваниям сердечно-сосудистой системы, нервным и психическим расстройствам, всевозможным аллергическим реакциям, вызваны ускорением ритма жизни современного человека, изменением его места в системе производства и другими факторами социального характера. Уменьшение доли физического труда в производственной деятельности современного человека, развитие средств коммуникации и сферы обслуживания привели к возникновению такого явления, как гиподинамия (гипокинез), которое и является одной из основных причин роста заболеваний сердечнососудистой системы. Расширение спектра аллергических реакций также связано с производственной деятельностью человека, в основном с усиливающимся в ее результате загрязнением окружающей среды. Дело в том, что почти все отходы промышленного производства являются мутагенными веществами, способными вызывать серьезные изменения генетической информации клеток, что приводит к нарушению наследственной информации ДНК и, в конечном итоге, не только к росту аллергических заболеваний, но и таким угрожающим последствиям, как повреждение фонда наследственности биологической организации человека.

Биология человека изменилась и продолжает изменяться в ходе общественного развития. Изменение это определяется все более и более факторами социальными и в ближайшем будущем, вероятно, будет определяться ими всецело. Человечество в силу того, что оно организовано в общество, является единственным биологическим видом, который создает механизмы компенсации биологического неравенства индивидов. В природе механизмы такого рода фактически отсутствуют – они создаются и совершенствуются в ходе социального развития. В принципе таким универсальным механизмом может считаться современная система здравоохранения, система социального обеспечения. Чем выше уровень развития обще-

ства, тем больше шансов у биологически слабых индивидов иметь равные возможности развития наряду с прочими индивидами. Забота общества о наиболее слабых своих членах – великое завоевание социальности.

Однако исторический процесс взаимодействия природы и человека сопровождается и некоторыми противоречиями общественно-го и индивидуального. Преодолевая запреты «царства природной необходимости», общество постоянно обогащает содержание жизнедеятельности людей, делая ее шире, разнообразней. На уровне общественного это проявляется в прогрессирующем расширении воспроизводства материальной жизни, на уровне индивидуального – в тенденции разностороннего развития личности. Вместе с тем некоторые структуры цивилизации (например крупные города, мегаполисы, организация современного производства с его жесткой специализацией и дифференциацией функций занятых работников) становятся своего рода заслоном на пути разностороннего развития личности человека, подвергая последнего жесткому давлению со стороны общественного в ущерб единичному, уникальному содержанию его жизни. Процесс урбанизации, увеличивающий разрыв между человеком и природой, оказывает весьма ощутимое влияние на изменение картины человеческих патологий, рост нервно-психических расстройств. Избавившись от кажущегося примитивизма деревенского существования, человек окунулся в настоящий идиотизм городской жизни, все более и более отчуждающей его от природы, что не только отрицательно сказывается на состоянии свойств и качеств человека как рабочей силы, но и тормозит развитие его личностных структур.

Осознание противоречивого характера взаимосвязи человека и природы в XX в. наиболее яркое свое выражение получило в процессе формирования экологического сознания общества. Этот процесс (а его свидетельство – возрастание экологической обеспокоенности и соответственно активности мировой общественности, активизация природоохранительной деятельности международных организаций, широкое научное исследование проблем глобальной и социальной экологии) является безусловным шагом вперед на пути устранения всех групп источников существования глобальной эко-

логической проблемы. Имеющий место процесс аксиологизации научного знания есть свидетельство постановки во главу угла научных изысканий критерия ценности бытия Человека, благодаря которому и ради которого и существует наука вообще: Проблема Человека возводится постепенно в ранг метаглобальной, и можно с уверенностью утверждать, что все существующие глобальные проблемы являются в конечном счете ее проявлениями.

Преыдушие столетия в осознании собственной ценности человек шел к себе от природы. И чем дальше от природы уводил его этот путь, тем больше человек вырастал в собственных глазах. Сейчас он возвращается от себя к природе и научается, с одной стороны, видеть в состоянии природы проекцию своего собственного Я, с другой – видеть в своем Я продолжение красоты и великолепия природы. Способность эстетически воспринимать мир становится неотъемлемой чертой, показателем высокого нравственного развития личности. Моральные императивы деятельности человека в XX в. являются смысловой опорой научных, культурных разработок. Недаром среди новых теоретических направлений появляется так много этик: «живая этика», биоэтика, этноэтика, экологическая этика и т. д.

То, что XX столетие видело две мировые войны, унесшие миллионы человеческих жизней, придало особый ценностный статус смыслу смерти. Исследование смерти с позиций диалектики свободы и ответственности личности на фоне возможностей современной медицины и биологии вошло как мощное самостоятельное направление в предмет новой науки – биоэтики.

Но сколько бы ни возникало новых научных и культурных направлений, все они, весь неопиcуемый многоцветный веер мыслей миллионов людей направлены на раскрытие рецепта человеческого счастья и счастья человечества. И сотни лет необходимым условием счастья признаются жизнь, любовь, природа, красота.

Ведь эти ценности и идеалы являются общими для всех людей, независимо от их расовой, социальной, гражданской принадлежности. Они суть то общечеловеческое, что не может быть завуалировано никакими классовыми, национальными, государственными интересами. Ведь классы, нации, государства существуют в реаль-

ной жизни общества, развивающегося на реальной планете. И какие бы идеальные конструкции ни создавала человеческая мысль, она никогда не опровергнет факта, что существование любых социальных образований возможно только при наличии конкретных людей, которые составляют «живую ткань» этих образований, наполняя их своими делами, чувствами, мыслями. Для того чтобы люди могли оставаться людьми, т. е. мыслить, творить, чувствовать, им необходимы земля, вода, воздух, им необходимы красота и многообразие Природы, поскольку только на этой основе могут существовать действительная красота и универсальность Человека.